

Поворотъ къ Востоку.

Есть нѣкоторая, постоянно отмѣчаемая аналогичность въ положеніи, относительно міра, Франціи время Великой Революціи и Россіи текущихъ годовъ. Но кромѣ детальныхъ и частныхъ, существуетъ основное различіе, быть можетъ, чреватое будущимъ... Тогда, какъ и теперь, существовала Европа; и Европѣ одна изъ европейскихъ странъ несла „новое слово“; страна эта, выйдя въ революціонномъ порывѣ за старыя политическія свои границы, завоевала почти всю Европу; но когда осѣклась въ завоеваніяхъ, — остальная Европа, соединившись въ коалицію, сумѣла обуздать ее и оккупировать войсками. И Россія передъ войной и революціей „была“ современнымъ цивилизованнымъ государствомъ западнаго типа, правда, самымъ недисциплинированнымъ и безпорядочнымъ изъ всѣхъ существующихъ“. (Г. Д. Уэльсъ). Но въ процессѣ войны и революціи „европейскость“ Россіи пала, какъ падаетъ съ лица маска. И когда мы увидали образъ Россіи, не прикрытый тканью историческихъ декорацій, — мы увидали Россію двуликой... Однимъ лицомъ она обращена въ Европу; какъ европейская страна, какъ Франція 1793 года, она несетъ Европѣ „новое слово“, — на этотъ разъ новое слово „пролетарской революціи“, осуществленнаго коммунизма... Но другимъ ликомъ она отвернулась отъ Европы... — Уэльсъ рассказываетъ, что „Горькаго гнететь, какъ кошмаръ, страхъ передъ поворотомъ Россіи къ Востоку...“ „Россіи къ Востоку“. Но сама Россія не есть ли уже „Востокъ“?... .

Много ли найдется на Руси людей, въ чьихъ жилахъ не течетъ хозарской или половецкой, татарской или башкирской, мордовской или чувашской крови? Многіе ли изъ русскихъ всецѣло чужды печати восточнаго духа: его мистики, его любви къ созерцанію, наконецъ, его созерцательной лѣни? Въ русскихъ простонародныхъ массахъ замѣтно нѣкоторое симпатическое влеченіе къ простонароднымъ массамъ Востока, и въ органическомъ братаніи православнаго съ кочевникомъ или паріемъ Азіи, Россія

поистинѣ является православно-мусульманскою, православно-буддистскою страной.

Большевики воздвигли гоненіе на православіе и поруганіе всякой вѣры. Это такъ. Но съ тѣмъ большею ясностью, подчеркнутая всею силою контраста, — выступила религіозная настроенность и обращенность тѣхъ русскихъ и не русскихъ массъ, чьимъ движеніемъ и чьимъ дыханіемъ живъ большевизмъ . . .

Большевистское надругательство или большевистскій индифферентизмъ къ вѣрѣ даютъ для пониманія Россіи такъ же мало, какъ и большевистскія попытки осуществить на практикѣ велерѣчивыя вѣщанія Маркса.

Именно потому, что Россія есть не только „Запад“, но и „Восток“, не только „Европа“, но и „Азія“, и даже вовсе не Европа, но „Евразія“ — именно поэтому къ той исторической сущности, которая заключалась въ Великой Революціи Французской, — присоединяется въ Революціи Русской нѣкоторая другая еще далеко не раскрывшаяся сущность . . . Французская Революція была революціей, происшедшей въ европейской странѣ съ 25 мил. населенія и 540 тыс. кв. килом. пространства. Русская Революція происходитъ въ странѣ, не всецѣло или вовсе не „европейской“, и при томъ въ странѣ съ 150 мил. населенія и 20 мил. кв. килом. пространства. Франція есть часть Европы. Россія же составляетъ „континентъ въ себѣ“, въ опредѣленномъ смыслѣ „равноправный“ Европѣ. . . Для союзниковъ 1814—15 года оказалось доступнымъ усмирить и оккупировать Францію. Какова должна быть новая коалиція, чтобы для нея стало возможнымъ усмирить и оккупировать — Россію? . . . Великая Французская Революція — это одинъ изъ эпизодовъ европейской исторіи. Русская Революція есть не только эпизодъ европейской исторіи.

Въ современности сплетаются двѣ проблемы. Одна затрагиваетъ глубинные вопросы бытія и творчества культуры; другая переводитъ слова идеологическихъ обозначеній на конкретный языкъ культурногеографической, культурноисторической реальности.

Въ безмѣрныхъ страданіяхъ и лишеніяхъ, среди голода, въ крови и въ потѣ, Россія приняла на себя бремя исканія истины за всѣхъ и для всѣхъ. Россія — въ грѣхъ и безбожіи, Россія — въ мерзости и паскудствѣ. Но Россія — въ исканіи и бореніи, во взысканіи града нездѣшняго . . . Павось исторіи почіетъ не на тѣхъ, кто спокоенъ въ знаніи истины, кто самодоволенъ и сытъ. Пламенные языки вдохновенія нисходятъ не на *beati possidentes*,

не на тревожныхъ духомъ: то крылья Ангела Господня возмутили воду купели.

Въ мірѣ какъ будто нѣтъ измѣненій... кромѣ того, что въ благоустроенномъ культурномъ мірѣ болѣе нѣтъ Россіи. И въ этомъ отсутствіи — измѣненіе. Ибо въ своемъ особаго рода „небытіи“ Россія въ опредѣленномъ смыслѣ становится идеологическимъ средоточіемъ міра.

Въ переводѣ на языкъ реальности, это значить, что на аренѣ мировой исторіи выступилъ новый, не игравшій доселѣ руководящей роли культурно-географической мірѣ. Напряженный взоръ прозираетъ въ будущее: не уходитъ ли къ Востоку богиня Культуры, чья палатка столько вѣковъ была раскинута среди долинъ и холмовъ Европейскаго Запада? ... не уходитъ ли къ голоднымъ, холоднымъ и страждущимъ? ...

Мы во власти предчувствія... И въ этомъ предчувствіи можно обрѣсти источникъ самодовольства, особаго его вида, самодовольства страждущихъ... Предаться самодовольству — это значить погибнуть. Нельзя скрывать того, что считаешь истиной. Но нельзя успокаиваться въ предчувствіи. Не квіетизмомъ, но подвигомъ совершенствованія созидается дѣло исторіи. Кто возгордится, того покидаетъ благодать исканія. И на самоувѣренныхъ падаетъ проклятіе бесплодности... Нѣтъ неизбѣжнаго. Есть возможное. Только путемъ напряженнаго творчества, безъ боязни покаяться въ ошибкахъ и сознаться въ слабостяхъ, — только цѣною непрерывныхъ усилий, осуществляющихся въ рамкахъ открытаго воль, „пластичнаго“ міра, — возможное станетъ дѣйствительнымъ.

Петръ Савицкій.
